статья (кажется по поводу смертной казни), которую онъ потомъ корректировалъ или заканчивалъ въ Оптиной. Но именно это-то для полнаго освобожденія ему и надо было оставить въ Ясной Полянѣ, на добычу „всего міра“. Толстой, въ величайшую минуту жизни, слыша уже зовъ Божій, въ Оптиной пустыни диктуетъ статью,—это зрѣлище полно для меня глубокой грусти и не есть свидѣтельство духовной силы, но, скорѣе, слабости. Для тѣхъ, кто иначе понимаетъ весь процессъ духовнаго развитія Толстого, въ этой вѣрности его своему труду при такихъ обстоятельствахъ видится, напротивъ, черта величія и силы. Другіе, можетъ быть, посмотрятъ на это гораздо проще, какъ на средство отвлечься отъ страшной душевной боли привычной работой. Мнѣ же видится здѣсь символъ незавершившейся борьбы духа за свое освобожденіе. Такъ или иначе, но міръ догналъ своего плѣнника, а догнавъ—снова окружилъ его своимъ кольцомъ. Клѣтка захлопнулась, и началась астаповская агонія... Занавѣсъ опускается. А то, что происходило за этимъ занавѣсомъ, въ эти послѣдніе часы, вѣдомо одному Богу, такъ не будемъ же нецѣломудренной рукою его приподнимать.

Излюбленной и часто повторяемой мыслью Толстого за послѣднее время, повидимому, была та, что, хотя религіозный идеалъ вполнѣ и недостижимъ, но надо постоянно стремиться къ его достиженію,—мысль глубоко вѣрная и вполнѣ христіанская. И именно при свѣтѣ ея и надо оцѣнивать духовную драму Толстого. Велѣніе „отвергнуться себя“ ради Бога, которое становится предъ всякой религіозной совѣстью, для Толстого приняло, конечно, вполнѣ индивидуальную форму. Онъ услышалъ въ немъ призывъ отвергнуться себя, какъ художника и культурнаго человѣка, и глубокіе порывы его души, мучительныя усилія воли внутренно опредѣлились такимъ образомъ понятымъ велѣніемъ. И каковы бы ни были побѣды и пораженія въ этой борьбѣ и ея конечный исходъ,—какъ путь, она ведетъ къ опредѣленной цѣли, полна глубокаго религіознаго смысла и понятна лишь въ свѣтѣ руководящей своей заповѣди. И можно сказать съ этой точки зрѣнія, что задушевнѣйшее желаніе самого Толстого исполнилось, хотя и иначе, чѣмъ самъ онъ того хотѣлъ. Ему такъ и не удалось окончательно превзойти въ себѣ писателя и всецѣло перейти на путь религіознаго дѣйствія. Но своей жизнью, освѣщаемой ослѣпительнымъ рефлекторомъ